уточнить анализ, начатый И. И. Козловским, проследить правописание первого издания и выяснить приемы передачи подлинной рукописи у Малиновского в издании 1800 г. и у Мусина-Пушкина в Екатерининской копии.

В первую очередь мы остановимся на вопросе о югославянской орфографии, следы которой отмечают в рукописи «Слова» все исследователи. Это — приемы правописания, сложившиеся в систему у балканских славян к концу XIV в. В XV в. эта условная, частью архаизирующая орфография вытесняет у нас свою, русскую. Основные правила нового югославянского правописания следующие: 1) постановка «і» десятеричного перед всеми гласными; 2) восстановление старославянского написания глухих перед плавной в положении между согласными, т. е. «ръ», «лъ» вместо древнерусских «ър», «ъл» и новых «ор», «ол» (ср. слова «влъкъ», бръзъ» и т. п.);[10] 3) отсутствие иотации, т. е. окончания «аа», «иа» вместо «ая», «ия»; 4) употребление одной из полугласных в качестве конечного знака (обычно «ь») и «ъ» в середине слов, а также в предлогах.[11] Приемы эти в одних русских памятниках XV, а также первой половины XVI в. проведены более строго, в других менее. Особенно ярко проявляется новая орфография в рукописях церковного содержания. Как пример можно указать уже приводившиеся нами однажды псалтыри: Епархиального собрания № 86, XV в., и Музейского собрания № 4085, первой половины XVI в.[12]

Весьма характерный образец подобного правописания представляет также Апостол XV в. Синодального собрания № 18. В этой рукописи, на странице листового размера в 30 строк, «і» десятеричное может встречаться по десяти и более раз; случаев отсутствия иотации насчитывается от четырех до десяти на страницу, а написаний типа «ръ», «лъ» — в среднем от четырех до пяти на страницу.

Если мы обратимся к правописанию рукописи «Слова о полку Игореве», то мы должны принять во внимание, что в Екатерининской копии, кроме приемов книжной орфографии конца XVIII в., соблюдавшихся в печати, надо учитывать и те отступления от установленного правописания, которые допускались в русской письменности этого времени. Мы подразумеваем, например, постановку «я» и «ю» после «ч», а также «е» вместо «ѣ» в неударном положении. В этих случаях Екатерининская копия частью будет совпадать с оригиналом, а частью расходиться с ним, смотря по тому, является ли данный прием привычным для писца XVIII в. Что касается первого издания, то оно, с одной стороны, стремилось передать оригинал со всей точностью, а с другой стороны, чтобы сделать текст удобочитаемым и «грамотным», должно было в известной мере соблюдать установленное правописание своей эпохи (конец XVIII в.).

Как уже сказано, мы остановимся на югославянских особенностях правописания, отмеченных в первом издании «Слова». Начнем с «і» десятеричного. А. С. Орлов в своих изданиях 1923 и 1946 гг. впервые отказался от употребления «і» десятеричного. «Новостью нашего издания, — говорит он, — является совершенное устранение і, проставленного первыми издателями в тексте Слова, несомненно под влиянием орфографии конца 18 века. Все „і“ заменены у нас „и“, что соответствовало средневековой графике в преобладающем числе случаев». А. С. Орлов не раз-

[10] Мы не касаемся отдельно написаний «рь», «ль», так как, по югославянской орфографии, «ь» в середине слова заменяется обычно через «ъ».

[11] Конечный «ь», вообще не обязательный для большинства русских летописей XV в., мы пока оставляем.

[12] См.: ТОДРЛ, IX. М—Л., 1952, стр. 13